

изображений приближает их к типу геральдического знака, к изображению поклонения древу жизни в искусстве Востока.

Георгий в византийском изобразительном искусстве XI—XII веков заметно отличается от Георгия, каким его характеризуют древнейшие жития. В житии он — молитвенник-заклинатель и проповедник. В изобразительном искусстве он — бесстрашный витязь на коне. «Святые воины» в византийском изобразительном искусстве находят себе более близкую параллель в эпическом образе защитника родины, воспетого в византийской народной поэме под именем Дигениса Акрита.¹

В лице Дигениса были прославлены «полуфеодалные малоазиатские донаты-охранители границ, ведущие от имени императора вечную борьбу с мусульманами и с апелатами разбойниками».² Правда, в поэме о Дигенисе Акрите, известной нам по поздним спискам, подвиг змееборства занимает довольно скромное место,³ но вся поэма дает представление о тех идеалах героизма, которые существовали в народной среде Византии вне рамок ее церковного искусства. Первое, что бросается в глаза в герое византийской поэмы, это то, что он представляет собой богато одаренную, многосторонне развитую личность. Внешний облик его неотразимо обаятелен; манера держаться на играющем под ним конем изысканна⁴. Его наряды и драгоценные украшения вызывают всеобщее восхищение. В судьбе героя далеко не последнюю роль играет страстная любовь к женщине; в сущности она толкает его на свершение подвига.⁵ В поэме лишь вскользь упоминается о помощи божества. Дигенис собственными силами одерживает победу над врагами.

В сцене борьбы с драконом действие происходит в роскошном саду. Земля усеяна цветами, плоды благоухают, по веткам скачут попугаи, по воде скользят белоснежные лебеди, расцветка павлинов соревнуется с пестротой цветов. Возлюбленная Дигениса совершает омовение в ручье, когда на нее нападает соблазнитель. Дигенис видит трехголового хвостатого дракона, земля содрогается от ударов его хвоста. Но у героя словно вырастают крылья. Он бесстрашно бросается на дракона и с размаху отсекает ему головы.⁶

Поэма о Дигенисе Акрите была переведена на русский язык, видимо, еще в XI—XII веках и стала известна у нас под названием «Девгениева деяния».⁷ Надо полагать, что русских читателей византийская поэма привлекала пышной красочностью образов, особенно в характеристике обаятельного богатыря. Впрочем, русский перевод отходит от известных нам византийских текстов. В дошедшем до нас греческом тексте позднейшего времени говорится: «Конь был украшен бубенцами с камнями, бубенцы были многочисленны и издавали громкий, очаровательный звон, восхищавший всех. На коне была попона из зеленого и розового шелка, которая закрывала и предохраняла его от пыли, седло и уздечка были усеяны жемчугами. Конь был храбр и резв, Акритас — умелым ездоком, он гарцевал на коне и держался в седле как пышная роза».⁸ В русском тексте

¹ Н. С. Тихомиров. Девгениево деяние. Сочинения, I, М., 1898, стр. 256.

² М. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 181—182.

³ А. Рыстенко, ук. соч., стр. 414.

⁴ C. Sathas et G. Legrand. Les exploits de Digenis Akritas. Paris, 1875, стр. LVI.

⁵ Там же, особенно начало песни IV.

⁶ Там же, стих 1880 и сл.

⁷ М. Сперанский (Девгениево деяние. Сборник ОРЯС, т. 199, № 7, 1923, стр. 82) отмечает близость русского текста к предполагаемому греческому архетипу. Грегуар (H. Grégoire. Digenis Akritas. New York, 1942, стр. 62 и сл.) держится того же мнения, хотя ни в тексте, ни в библиографии не ссылается на работы русских авторов об этом памятнике.

⁸ C. Sathas et G. Legrand, ук. соч., стих 1007 и сл.